
НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

УДК 330.001.7+32.001.7] – 042.5/8:330.34(477)

В. М. ГЕЕЦ,
*профессор, доктор экономических наук, академик НАН Украины,
директор ГУ “Институт экономики и прогнозирования НАН Украины”,
Главный редактор журнала “Экономика Украины”
(Киев)*

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА ПУТИ К РЕКОНСТРУКТИВНОМУ РАЗВИТИЮ ЭКОНОМИКИ УКРАИНЫ *

Часть I. От космополитического универсализма к эволюционно-институциональной трактовке хозяйственного развития

Рассмотрен процесс выхода из существующего политического цикла в экономической политике благодаря обеспечению нового уровня развития социального капитала на основе совершенствования человеческой личности, политической конкуренции и конкуренции в бизнесе. Проанализирован вопрос ликвидации монопольного контроля над собственностью с использованием достижений украинской экономической науки, которая имеет исторические традиции в развитии рыночных отношений, на принципах историко-логического подхода, что дает основание для поиска путей достижения успеха в современных условиях, прежде всего, в развитии экономики.

Ключевые слова: системные трансформации, политический цикл, социальный капитал, человеческая личность, демонополизация, рыночный фундаментализм, сетевые системы, корпоративные интересы, национальные интересы, эволюционно-институциональный подход, демократический капитализм.

V. M. HEYETS,
*Professor, Doctor of Econ. Sci., Academician of the NAS of Ukraine,
Director of the Institute for Economics and Forecasting of the NAS of Ukraine,
Editor-in-Chief of the “Economy of Ukraine” Journal
(Kiev)*

PECULIARITIES OF INTERRELATIONSHIP OF ECONOMIC AND POLITICAL TRANSFORMATIONS ON THE WAY TO RECONSTRUCTIVE DEVELOPMENT OF UKRAINE’S ECONOMY

Part I. From cosmopolitan universalism to the evolutionary-institutional interpretation of economic development

Process of getting out of the existing political cycle in economic policy owing to provision of a new level of social capital development based on improvement of human personality and

© Геец Валерий Михайлович (Heyets Valerii Mikhailovich), 2017; e-mail: gvm@ief.org.ua.

* Статья подготовлена по результатам исследования 2017 г. по теме “Общие и локальные механизмы реконструктивного развития экономики”, которая выполняется в рамках программы НАН Украины “Реконструкция экономики Украины: исторические вызовы и современные проекты”.

Материал публикуется в продолжение дискуссии, начатой автором статьей “Общественный капитал – 25: огосударствленность или государственное созидание?” // Экономика Украины. – 2016. – № 8. – С. 3–6 и статьей “Особенности взаимосвязи экономических и политических предпосылок реконструктивного развития экономики Украины” // Экономика Украины. – 2016. – № 12. – С. 3–21.

political and business competition is considered. A question of eliminating the monopoly control over property, using achievements of Ukrainian economic science, which has historical traditions of developing the market relations on the basis of historical-logical approach, is analyzed. The aforementioned gives grounds for finding the ways to achieve success in today's conditions, especially in terms of economic development.

Keywords: system transformations, political cycle, social capital, human personality, demonopolization, market fundamentalism, network systems, corporate interests, national interests, evolutionary-institutional approach, democratic capitalism.

Предыдущая статья на эту тему [1] была посвящена существующим до настоящего времени предпосылкам, касающимся содержания соответствующих процессов с доминированием политического цикла в экономической политике, всесторонний характер которого в годы трансформационных изменений раскрыт автором в значительно расширенной по сравнению с общепринятой трактовкой интерпретации, поскольку в условиях системных трансформаций современного мира параллельно с процессами децентрализации и усиления роли национальных государств по обеспечению защиты социальных и экономических интересов происходит формирование новой социальной реальности человекоцентристского характера с новыми экономическими отношениями.

Выход из такого политического цикла имеет ключевое значение как для восстановления, так и для достижения высоких темпов экономического роста, ведь позволит преодолеть спад в экономике, который длится многие годы, и за счет этого достичь повышения уровня жизни населения. В долгосрочном периоде ключевым должен стать процесс подъема на новый уровень, прежде всего, социального капитала на основе развития человеческой личности, который в политико-экономическом смысле должен быть способен вывести на путь развития и страну, и ее экономику. *Это во-первых. Во-вторых*, важно, чтобы государство создало условия для реализации социального капитала на пути его развития, что обеспечит успех созидания государства. *В-третьих*, необходимо ликвидировать монопольный контроль над собственностью, возникший на предыдущем этапе реформ в результате вседозволенности, а по существу — доминирования идеологии так называемого рыночного фундаментализма эпохи первоначального накопления капитала. Это позволит при максимизации неформальных отношений в среде бизнеса и государства сохранить и усилить роль частных монополий, сформированных в ходе приватизации уже существующих государственных монополий.

Демонополизация является достаточно сложным и долговременным процессом, поскольку требует формирования соответствующих институтов и обеспечения эффективности их деятельности, которую можно существенно повысить путем активизации гражданских институтов, доверие к которым в украинском обществе в последнее время очень выросло [2]. Благодаря общественному контролю можно и необходимо преодолеть в Украине так называемый "фундаментализм свободы" существующих монополий крупного капитала, который во многом приватизировал и государство. При этом следует иметь в виду, что тенденция усиления демократических способов контроля над бизнесом для преодоления рыночного фундаментализма целесообразна и признана также в глобальном измерении современного капиталистического мира с целью упорядочения существующей турбулентности в пространстве сетевых систем, которые в результате их открытости по своей природе характеризуются значительной неопределенностью в пространстве и времени [3]. В отличие от сетевого пространства с его неопределенностью, иерархия обуславливает

устойчивость и определенность, поэтому их взаимодействие порождает “противоречие между иерархическими и сетевыми связями как основную структурно-организационную проблему развития общества в XXI веке” [3, с. 22]. Именно поэтому правомерно мнение П. Мейсона, что в современном капиталистическом мире “все пронизано борьбой между сетями и иерархией” [4, с. 207]. С точки зрения социальной силы, капитализм застрял в мире монополий и неэффективности, посреди развалин свободного рынка, где господствовали финансы, и это полностью касается Украины. Итак, для нормализации капиталистического уклада, по крайней мере, на данном этапе, важно реализовать такую политику, содержание которой позволит избежать хотя бы тех проблем, которые имеют тенденцию к усилению зависимости от: внешнего финансирования, осуществляемого международными финансовыми организациями и странами-донорами; ожидаемого повышения уровня присутствия иностранного капитала, который получает такую возможность в условиях политики бюджетной консолидации, предусматривающей расширение влияния рынка.

В таких условиях можно ожидать еще большей зависимости Украины и ее экономики от внешних финансовых ресурсов и определенной потери суверенитета. Последнее достаточно важно, поскольку, по состоянию на конец I квартала 2017 г., чистый внешний долг государственного сектора приблизился к 28 млрд. дол., что с учетом особенностей его обслуживания в течение ближайших 2–3 лет потребует дополнительных внешних заимствований, в первую очередь от МВФ (в частности, до конца 2018 г. – 8,5 млрд. дол.). Ситуация, которая сохранится в ближайшие годы, характеризуется тем, что такая степень зависимости от внешних заимствований будет не уменьшаться, а, скорее всего, расти. Кроме того, по рекомендациям МВФ, в Украине дополнительные внешние заимствования будут неизбежными для успешной борьбы с инфляцией путем таргетирования в условиях ожидаемых низких темпов экономического роста (1,5–2,5%) и дефицита текущего счета платежного баланса для выполнения внешних обязательств, накопления необходимых резервов, валютной либерализации.

Однако такой сценарий не приведет к оздоровлению экономики в долгосрочной перспективе, что позволило бы противостоять внешнему давлению, хотя отдельные страны имеют положительный опыт в этом вопросе. Таким примером может быть Польша, которая “не кинулась приватизировать все подряд и не ставила задачу по снижению инфляции выше всех остальных макроэкономических проблем. При этом она сделала акцент на некоторых вопросах, которым МВФ не уделял необходимого внимания, среди которых: важность общественной поддержки реформ, сдерживание роста безработицы и индексации пенсий, создание институциональной инфраструктуры, необходимой для функционирования рыночной экономики” [5, р. 181].

В перечне указанных отличий в содержании реформ, проведенных в Польше, на первом месте стоят вопросы, связанные с достижением общественного консенсуса по поддержке политики реформ, которые, по нашему мнению, заключаются в достижении непротиворечивой взаимосвязи политических и экономических действий в процессе трансформаций и функционирования таких основополагающих общественных субъектов, как государство, лица, принимающие решения, субъекты рынка и, что важнее всего, граждане. При этом мы исходим из того, что “во все времена и во всех странах способность, нравственность и деятельность граждан регламентировались для благоденствия страны, и богатство увеличивалось или уменьшалось с этими качествами; но никогда труд и экономия людей, дух изобретательности и предприимчивости не создали ничего великого там, где они не могли опереться на гражданскую свободу, учреждения и законы, администрацию и внешнюю политику, в осо-

бенности же на национальное единство и могущество” [6, с. 285]. Этого удалось достичь далеко не всем странам, в том числе и из-за разнообразия возможных моделей функционирования капитализма и механизмов их реализации.

Системный кризис, охвативший капиталистический мир, является результатом, прежде всего, мощного продвижения капитала, которое в нынешней его ипостаси привело к чрезмерному расслоению в контроле над богатством и к неспособности это расслоение преодолеть, хотя, казалось бы, неравенство в первые три четверти XX в. ушло в прошлое. Вместе с тем “неравенство всегда ассоциируется с крайне высокой концентрацией политической власти, и эта власть всегда использовалась для того, чтобы увеличить разрыв в доходах путем получения ренты и аренды, что существенно тормозит экономический рост” [7, с. 30]. Без этого найти ответы на новые вызовы настоящего времени невозможно. *Современная мировая капиталистическая система сформировалась в результате динамичного развития конкурентных отношений и благодаря этому достигла высоких результатов, продемонстрировав человечеству примеры жизни высшего качества.* Вместе с тем, несмотря на это, на повестке дня появилась проблема выбора: либо идти дальше по пути, который будет предопределять углубление кризиса и конфликтность, либо отойти от идеологии космополитизма, поскольку внедрение (например, в США) экономической политики под давлением ТНК или финансового олигархата глобального характера в реальности является так называемой финансовой экспансией. Вследствие этого финансовый сектор экономики все больше отдаляется от ее реального сектора, что, с одной стороны, ограничивает инвестиции в него, а с другой — расширяет на основе воспроизводства и углубляет долговую зависимость и государства, и корпораций. Как говорит Дж. Фокс, глобальная тенденция такого характера, в частности в США, заставила лидеров и демократов, и республиканцев систематически жертвовать доходами и гарантиями занятости трудящихся в обмен на продвижение интересов американских и международных инвесторов [8]. В этом контексте необходимым становится предоставление приоритета историцизму, характерному для системы политической экономии Ф. Листа, согласно которому “экономика каждой страны имеет собственную специфику, обусловленную всей историей ее развития, национально-культурным наследием, особенностью менталитета населения и географическим положением” [9, с. 39].

Главная задача нашего государства на ближайшую перспективу — обеспечить реализацию политики, направленной на формирование такого уровня конкурентоспособности национальной экономики, который бы позволил в условиях нового характера трансформаций глобализационных экономических процессов быть достойным субъектом в системе международных и межэкономических отношений, способным, в противовес корпоративным интересам, часто носящим глобализированный характер, защитить национальные интересы, всесторонне ориентируясь на политику избегания угрожающей задолженности. Последняя реализуется под давлением современной мировой финансовой архитектуры, благодаря в том числе и использованию финансовых инноваций, приносящих более высокие доходы. Следовательно, вместо инвестиций в реальный сектор и ускорения темпов экономического роста усиливается социальное расслоение и имеют место низкие темпы экономического роста, повышается степень зависимости национального государства от международных кредиторов. Среди основных системообразующих кредиторов, деятельность которых, прежде всего, направлена на расширение масштабов кредитования национальных экономик отдельных стран и финансовых институтов, формирующих глобальную финансовую систему, в первую очередь следует назвать МВФ и Всемирный банк. При этом результативность их дея-

тельности неоднократно получала оценки, которые национальные правительства отдельных стран не могут воспринимать однозначно. В частности, Дж. Стиглиц пишет, что “когда проекты,.. рекомендованные Западом, разработанные с помощью западных советников и финансируемые Всемирным банком или другими международными организациями, проваливались, то груз возвращения кредитов, тем не менее, ложился на бедные слои населения развивающихся стран, если, конечно, не было в той или иной форме соглашений о списании долгов” [10, с. 11]. Кстати, последние очень и очень редко действительно списываются, однако достаточно часто реструктуризируются на будущее с более жесткими требованиями. Именно поэтому углубление неравенства имеет глобальную тенденцию, следовательно, ответственность национальных правительств существенно возрастает, а это, в свою очередь, актуализирует идеологию историцизма, в том числе в экономической теории. Для Украины это также актуально, особенно с учетом достижений мирового уровня, признанных в украинской экономической науке. Развитие историко-логических основ рыночных отношений связано с именем М. Туган-Барановского, то есть в украинской экономической науке существуют достаточно серьезные исторические традиции, создающие основы для поиска путей достижения успеха в современных условиях.

Самый известный в мире украинский ученый-экономист М. Туган-Барановский презентует национальную интеллектуальную традицию именно в сфере экономических исследований, которой присуще критическое отношение к механистическому объяснению хозяйственного взаимодействия, якобы свойственному всем временам и народам. В его теоретической системе вместо этого важная роль отведена историко-культурным детерминантам форм экономической жизни и социальным факторам хозяйственного развития. Рассматривая историко-логические основы формирования рыночных отношений, капиталистической организации производства и торговли, М. Туган-Барановский не воспринимал космополитический универсализм школы А. Смита, однако акцентировал внимание на национальных чертах формирования и развития хозяйственной среды. Внутренние механизмы и институциональные условия, определяющие социально-экономическую динамику, должны составлять предмет экономических исследований и сердцевину экономической политики.

М. Туган-Барановский стоял на позициях эволюционно-институционального подхода к трактовке хозяйственного развития, что предусматривает изучение исторических форм хозяйства в их единстве с социальными, политическими, духовными аспектами общественного прогресса. Признавая ведущую роль государства как института, он еще на рубеже XIX–XX вв. отметил, что несдерживаемый государственной властью капитализм разворачивает всю мощь своей разрушительной силы, поэтому принцип *laissez-faire* теряет доверие [11, с. 191–192]. Это наследие прогностического характера известного украинского ученого-теоретика имеет фундаментальное значение для настоящего времени, поскольку нынешний кризис доказал справедливость его утверждения. Подробно роль протекционизма в системе хозяйственного развития изложена в монографическом труде, посвященном 150-летию со дня рождения М. Туган-Барановского [12, с. 211–227].

Сегодня в Украине, принимая во внимание ментальные особенности украинского народа и опираясь на развитие историко-логического подхода в современных экономических исследованиях, которые проводятся в Институте экономики и прогнозирования НАН Украины, необходимо на практике многое изменить в подходах к экономической политике. Вместо пересмотра национальных ценностей следует отстаивать национальные традиционные ценности, присущие исторической школе в

экономической теории, и в то же время развивать способность воспринимать и другие ценности, перенимая чужой опыт, но при этом вести хозяйство в условиях такой природной среды, в которой развиваются украинское общество и экономика страны.

С учетом этого особо важно стратегическое видение будущих проблем и взаимосвязанных противоречий экономического и политического характера, которые в определенной степени уже проявились в Украине и от решения которых будет зависеть успех. И наоборот, отсутствие такого видения может оставить нас среди тех стран, которые не только являются аутсайдерами, но и находятся под внешним управлением. На этом пути придется сделать выбор в пользу углубления конкурентных отношений и соответствующего усиления как горизонтального, так и вертикального их регулирования. В то же время мы должны учитывать, что "оценки (результатов деятельности. — *В.М.Г.*) сами по себе, даже когда являются стабильными, часто приводят к высокой степени неравенства и ... расцениваются как несправедливые" [13, р. 9], так как регуляторная либерализация, которая предоставляет все больше свободы рынкам, находящимся под мощным влиянием корпораций, позволяет основные результаты контролировать тем же корпорациям, вследствие чего растет доля бедного населения. Регуляторная либерализация имеет соответствующую тенденцию и в Украине, поскольку сохраняется деструктивное влияние корпораций как на конкурентные отношения в экономике, так и на содержание политики правительства, теряющего в существующих условиях глобализации суверенность. В мире в целом и в Украине в частности глобальные корпоративные структуры часто значительно мощнее отдельно взятых правительств стран, и к тому же они слабо контролируются общественными институтами. Есть попытки (и даже определенные результаты) по созданию структур и стандартов, направленных на глобальное регулирование именно в интересах ТНК. Как следствие, происходит размывание государственных суверенитетов в контроле за деятельностью в кредитной, налоговой, бюджетной сферах и др. Собственно, мы не можем не учитывать того, что на фоне системного кризиса, который уже более 40 лет характеризуется турбулентностью в условиях длительного спада темпов экономического роста, и снижения нормы прибыли корпорации, "имея огромное количество избыточных средств производства, сверхбольшую долговую нагрузку, ... не склонны повышать занятость или расширять покупку зданий, оборудования и программного обеспечения, не говоря уже о том, чтобы брать новые займы для их финансирования, независимо от того, насколько низкими были процентные ставки" [14, с. 492]. Турбулентность в первую очередь охватила высокоразвитые страны и, что особенно важно, обострила процессы суверенизации внутри ЕС. Украина, провозгласившая курс на сближение с Европейским Союзом и будущую интеграцию, не может одновременно не беспокоиться о такой собственной идентификации, которая в конечном счете позволила бы применять идеологию "развивающего протекционизма, в соответствии с национальными экономическими интересами, что в свое время отмечали, например, Лист, Витте, а теперь и Трамп" [9, с. 40].

Согласно доминирующей позиции администрации американского президента и его сторонников, США — "это национальное государство американского народа, и его главные интересы являются предметом внутренней политики" [15, р. 2]. Это соответствует так называемому джексоновскому националистическому популизму, в основе которого лежат существующие проблемы замедления увеличения заработной платы на фоне роста производительности труда, потери рабочих мест из-за выведения бизнеса за границу, неконтролируемого притока мигрантов и другие

составляющие, относящиеся к проблемным вопросам развития национальной экономики в условиях неконтролируемой глобализации. Это противоречит космополитическим течениям, доминировавшим в государственной идеологии предыдущих (“дотрамповских”) времен, поскольку вместо идей глобального космополитического будущего все мощнее будут формироваться идеи свободного национального самоопределения согласно национальной идентичности и самобытности. Для США это не новость, поскольку и в конце XIX, и в начале XX в. государственная политика неоднократно ориентировалась на концентрацию первоочередных усилий на внутренних проблемах, что позволило продвигаться и добиваться реализации национальных интересов в сферах безопасности и экономики. Такая тенденция будет существенно усиливать взаимодействие национальных стран на транзакционной основе, а успех каждого из участников — зависеть в первую очередь от искусства переговоров и потенциальных взаимозависимости и взаимодополняемости экономики каждой страны с учетом или без учета интересов “третьих” стран, а также того факта, что кроме национальных интересов всегда есть и будут проблемы общих благ для населения всех стран, что может не приниматься во внимание в двусторонних транзакционных соглашениях.

Вместе с тем существующее экономическое неравенство между странами обострит проблемы взаимодействия на уровне отдельных стран, поскольку их слабость будет подталкивать, с одной стороны, к формированию новых шансов, а с другой — к попытке хоть как-то ослабить последствия неравенства, провоцирующего миграцию и усиливающего напряженность. В таких условиях и возникает национальный популизм, встречающий сопротивление даже тех, кто выступает за решение масштабных проблем при участии мировых лидеров — США, Китая и др. При этом проблемы неравенства в глобальном измерении никуда не денутся, поскольку в ближайшие 10 лет ускорения экономического роста в мировой экономике не ожидается, а даже возможно его еще большее замедление, ведь в экономике развитых стран еще не найдены предложения масштабного характера, которые бы позволили преодолеть их слабость перед вызовами современности и накопленными дисбалансами, с которыми механизмы свободных рынков не справляются в условиях так называемого доминирующего мобильного корпоративизма. Последнее означает, что Вашингтонский консенсус нужно менять, что пока не делается. Страны, в которых он родился и на которые опирался, сами начали “страдать” от внутреннего растущего неравенства, когда даже на новых рабочих местах предлагают меньшую по сравнению с существующей заработную плату. Кроме того, перед многими странами стоит задача избегать слишком большой зависимости от экспортных цен, поскольку в глобальном пространстве из-за достигнутого уровня слишком значительного накопления избыточных мощностей есть ограничения возможностей для их повышения. В свою очередь, это поддерживает тенденцию к снижению нормы прибыли, следовательно, ограниченному формированию финансовых ресурсов для новых капиталовложений, что тормозит темпы экономического роста [14].

Сказанное мотивирует к переориентации экономической политики на первоочередное решение внутренних проблем развития, как это уже было неоднократно, например, в экономической истории США, хотя и при другом характере международных отношений. В итоге в глобальном экономическом пространстве, функционирующем на принципах неолиберализма, для борьбы с неурядицами и вызовами родился и определенным образом развивается так называемый экономический национализм, в который раз в истории ставший доктриной отдельных политических

элит. В их среде получение политической власти в результате выборов декларируется за счет идентификации национального протекционизма во внешних отношениях, который формирует возможную тенденцию к переформатированию взаимодействия в сфере торговли на принципах двусторонних отношений, в отличие от существующей идеологии свободной торговли. В конечном итоге это ставит под сомнение существующую неolibеральную доктрину, вместо которой допустимым может стать вмешательство автократического характера, особенно экономически более мощных стран, в получение преференций во внешней торговле. При этом следует учитывать, что “глобальная элита, глобальные игроки рынка склонны к тому, чтобы воспользоваться возможностями “беспорядка” *, а это означает лишь то, что они не привязаны к определенным ситуациям и не ограничены ими. Они могут в любое время отказаться от политики национальных государств или профинансированных договоров либо попробовать это сделать, меняя разные виды деятельности на локальном уровне, видя в этом новые возможности или ситуации, которые они способны встраивать в самые разнообразные регионы мира” [16, с. 127]. В совокупности наличие такого “взаимодействия” порождает вследствие глобализации хаос, при котором из-за неравенства в доступе к ресурсам и несправедливости нарушаются права большого количества людей. В частности, по данным МОТ, 73% населения планеты не имеют социальной защиты как таковой. Не последнюю роль в этом играют транснациональные компании, которые во многих отношениях более могущественны, нежели правительства национальных государств.

Влияние корпоративной политики на политику Правительства Украины неоднократно доказано на практике в ходе реализации экономической политики, в частности, в плане неконтролируемого доступа корпораций как к природным, так и к финансовым ресурсам. Существенное значение в таких условиях приобретают возможности контроля над сотрудничеством корпораций и государства со стороны общественности и гражданских институтов, прежде всего, на суверенной территории страны.

Современные исследования по этой тематике показывают, что украинское общество по сравнению с европейскими странами стоит на одном из первых мест по сохранению своих традиций, в контексте которых роль государства всегда была исторически важной, а роль гражданского общества — малозначимой. Объяснение этому, вероятно, можно найти на психоэмоциональном уровне, ведь значительная часть населения подсознательно стремится сохранить прежнее понимание и принципы жизни в авторитарном государстве, несмотря на события 2004 и 2013—2014 гг. На наш взгляд, важно исходить из того, что это серьезный вызов, стоящий и перед обществом, и перед государством, и перед его политикой. С учетом двух Майданов, мотивированных на обеспечение в Украине демократического пути развития, по итогам 2016 г. тех, кто считает, что в управлении экономикой нужно объединить государственное и рыночное управление, было 51,4% (чуть ли не самый высокий показатель с 2002 г.), тех, кто считает, что следует вернуться к плановой экономике, — 25,8%, а тех, кто убежден, что все регулирует рынок, — 11,5% **.

В Украине институты гражданского общества в условиях перехода к рынку и открытости оказались во многом неподготовленными и фактически несформиро-

* Из-за отсутствия или неэффективных действий международных институтов, которым свойственны функции если не управления, то, по крайней мере, регулирования или контроля над соблюдением межгосударственных договоренностей.

** Українське суспільство: моніторинг соціальних змін. — К. : Інститут соціології НАН України, 2016. — 547 с.

ванными для соответствующей деятельности. Сначала появились многочисленные партии, не способные к действию, поскольку массовость партий еще не обеспечивает их реального влияния в политически неструктурированном обществе, когда население избегает участия в них. По состоянию на 2016 г., после трех лет чрезвычайных политических событий на Майдане, только 39,9% опрошенных считают, что очень важно участвовать в общественных и политических организациях; не доверяют политическим партиям почти 75,4% респондентов, а полностью или преимущественно доверяют всего 4,7% опрошенных*.

В реальности принцип многопартийности, на который возлагали столько надежд, в общественном сознании оказался недейственным. Следовательно, *в условиях, когда реформы должны осуществляться в пользу рынка при одновременном сокращении возможностей государства по предоставлению социальных услуг населению, в среде которого углубляется неравенство и увеличивается доля тех, кто не может получать такие услуги на рынке, одной из задач политической реформы является инициирование в обществе объединительных процессов.* Это требует партийного реформирования на идеологической основе с использованием соответствующей политико-экономической платформы, благодаря которой население будет не отказываться от участия в выборах, а занимать активную позицию и иметь возможность отстаивать свои интересы. Формально указанные процессы существуют, но не охватывают основные общественные силы, поскольку многое происходит вне открытой общественной дискуссии. Это не позволяет населению разобраться в политическом выборе из-за низкого уровня политической грамотности. По результатам исследований Института социологии НАН Украины, в 2016 г. количество респондентов, считающих, что им достаточно современных политических знаний, равнялось всего 26%. Вместе с тем из года в год их становилось все больше (в 1996 г. – 12,1%). Следует отметить, что нисходящая тенденция отрицательных оценок достаточности современных политических знаний, существовавшая с 1996 г., дважды прерывалась: в 2004 и 2015 гг., когда обострялся политический кризис. Это свидетельствует о том, что в такие периоды населению трудно разобраться в политической структуризации украинского общества, что деструктивно влияет на ход событий и в экономике. В таких условиях в обществе резко возрастает уровень доверия к волонтерам. Так, в 2016 г. тех, кто преимущественно и полностью доверял им, было 53,1%, или в 10 раз больше, чем уровень доверия к политическим партиям. В такие времена избиратель ориентируется, скорее, на ментальные, нежели на сознательные политические знания и вкусы. И не случайно 56,6% опрошенных в 2016 г. считали, что на то время среди существующих политических партий и движений не было таких, которым можно было бы доверить власть, и только 18% дали положительный ответ на этот вопрос. За 20 лет наблюдений на эту тему в 2016 г. отрицательный ответ был получен от наибольшего количества респондентов, в то же время в этот период отмечался рост удельного веса тех, кто давал отрицательный ответ. Например, в 1994 г. таких респондентов было 28%. В 2016 г. 91% респондентов оценивали политическую ситуацию в Украине как критическую и взрывоопасную**. Следовательно, возникает вопрос: какие политические силы могут стабилизировать ситуацию, чтобы минимизировать негативное влияние политических процессов на состояние дел в экономике? И хотя существует тенденция к снижению количества респондентов, оценивающих политическую ситуацию как напряженную (96,4% в 2014 г.), но она все же остается высокой.

* Там же.

** Українське суспільство: моніторинг соціальних змін. – К. : Інститут соціології НАН України, 2016. – С. 534–537.

На фоне таких противоречивых тенденций в политических процессах 53,1% респондентов оставались, скорее, довольны своим положением в обществе *. Численность недовольного населения, как свидетельствует исследование Института социологии НАН Украины, имела тенденцию к сокращению, поскольку в украинской экономике наблюдался экономический рост, благодаря чему, прежде всего, сглаживалось расслоение по доходам. Естественно, что при существовании проблем в экономике расслоение в политическом отношении является потенциально дестабилизирующим фактором, который маргинализирует бедные прослойки населения, поскольку они теряют возможность получить социально значимые для каждого услуги по здравоохранению, образованию и т. п. из-за расширения их рыночности и политики экономии расходов бюджета, что особенно проявилось в 2015 г.

В свое время ожидалось, что уровень жизни населения будет повышаться в результате политического и экономического реформирования, а это означало, что средний класс, существовавший в предыдущей системе, получив в ходе массовой приватизации доступ к собственности, не только сохранится, но и будет расширяться, что ощутимо повлияет на дальнейшее развитие. Однако этого не произошло. Вследствие чрезмерного социального расслоения образовалась масса бедных и обедневших людей в противовес небольшому количеству богатых и чрезвычайно богатых. Это привело к вытеснению среднего класса, поскольку политическая целесообразность и отсутствие гражданских институтов не позволили реализовать систему общественного контроля и восстановить общественную мораль, которая бы обеспечила надежный контроль над деятельностью политических, государственных и бизнес-структур. Этому, собственно, противоречила политика ориентации на вседозволенность и обогащение благодаря чрезвычайным свободам, существовавшим в качестве идеологии и политики разрушения системы прошлого [1]. Из-за неконтролируемости со стороны общества возникло много таких случаев, которые с учетом моральных ценностей далеко небезупречны.

Моральная нелегитимность действующих законов, позволяющих обогащаться только одним (избранным), еще долго будет тормозить процесс преобразований и поддерживать высокий уровень недоверия к законодательному процессу, реализуемому соответствующими политическими силами. Именно поэтому будущая политическая реформа, в дополнение к сказанному, должна сформировать основу для скорейшего привлечения сил, способных сконцентрировать законотворческую деятельность в русле *конструктивного сотрудничества и массовой заинтересованности в результатах реформ, в отличие от потребностей монополюльно организованных группировок крупного бизнеса*, которые массово стремятся сохранить доступ к ресурсам путем прямого контроля над политикой государства и получения льгот различного характера. В сложившихся условиях это будет своеобразным продолжением расширения политики свободного рынка, в свое время заложившего экономическую основу формирования крупного капитала и рыночных свобод, позволивших получить контроль над собственностью. В случае продолжения на новом этапе расширения рыночного обмена будет осуществлен новый шаг к реструктуризации буржуазной прослойки национального бизнеса, который благодаря рыночным механизмам свободной торговли будет способен достичь подъема конкурентоспособности своего бизнеса и даже экономического роста. Последнее, однако, будет сопровождаться расслоением общества, одна часть которого, получив возможность приобщиться к деятельности корпоратизированных структур и соответствующие

* Там же.

доходы, может удовлетворять свои потребности на рынке, а вторая — будет беднеть из-за неспособности реализовать себя в растущих секторах экономики при параллельном сокращении бюджетных расходов и невозможности получать необходимые услуги за счет государства.

При существующем высоком уровне недоверия к государственным институтам в Украине пока невозможно обеспечить функционирование институциональных границ путем их формирования, узаконивания и регулирования с тем, чтобы влиять на экономические процессы, избегая как экономических кризисов, так и социальных конфликтов. Это видно из приведенных в таблице функциональных признаков распределения полномочий, намерений и действий основополагающих общественных субъектов в существующих моделях функционирования демократического капитализма. Анализ работы К. Оффе позволил выделить распределение функциональных полномочий, намерений и действий, отвечающих социально-демократической, социально-рыночной экономике, теории либерального рынка в условиях демократического и постдемократического капитализма. На первый взгляд, именно среди них целесообразно осуществить выбор в пользу той или иной модели функционирования демократического капитализма. В условиях постдемократического капитализма центр принятия решений смещается в сторону сужения пространства для участников обеспечения демократического процесса, поскольку на их место, как видно из таблицы, приходят государственные комиссии, фидуциарные и, что особенно важно, национальные институты.

В модели либерального рынка в условиях демократического капитализма теоретически должна сложиться ситуация, когда ни одна из групп давления принудительно не сможет возложить обязательства на политическую систему. Они нейтрализуют друг друга так, чтобы государство могло самостоятельно решать, какой группе угодить и идти на уступки (табл.). Наш взгляд на эту модель и выводы о ней изложены в авторской публикации в 2010 г. [17]. В частности, мы пришли к заключению, что либеральные начала как составляющие свободного развития личности обязательно должны реализоваться в обществе, идущем по демократическому пути развития. Однако их воплощение в технологические, экономические, социальные, политические, психологические, ментальные и другие реалии современного общества может давать разные результаты, в том числе и противоречащие либеральным принципам, как и случилось, например, в Украине. Так, без либерализации хозяйственной жизни в начале 1990-х годов невозможно было бы сформировать рыночную экономику как основу для дальнейшего экономического прогресса, а чрезмерное расслоение общества, рост разрыва между бедными и богатыми — это одновременно следствие либерализации, что противоречит ее исходным принципам. Поэтому либеральные начала должны быть реализованы с учетом интересов всего общества. Это означает, что свобода личности должна ограничиваться тогда, когда человек нарушает интересы общества, а интересы общества должны ограничиваться нерушимыми правами личности. Поиск такого баланса является сущностью современного демократического развития. Сочетание либеральных начал с демократическими интересами большинства можно было бы назвать демократическим или общественным либерализмом. Именно к такой форме, на наш взгляд, эволюционируют современные либералы. Под многими их нетрадиционными требованиями могли бы подписаться и социал-демократы, а это путь к общественному консенсусу, основанному на требованиях времени, что особенно важно для Украины.

Функциональное распределение полномочий, намерений и действий основополагающих субъектов в моделях функционирования демократического капитализма *

Субъекты	Социально-демократическая и социально-рыночная экономика	Теория либерального рынка в условиях демократического капитализма	Постдемократический капитализм
Государство	Обеспечивает функционирование институциональных границ путем их формирования, узаконивания и регулирования, благодаря чему государство способно управлять экономическим процессом, избегая как экономических кризисов, так и социальных конфликтов	Обеспечение законных прав гарантированных прав собственности, соблюдение контрактов и доступ к инфраструктурным сетям и услугам	Государство реализует политику в условиях финансовых ограничений, которые наложил на нее рынок. Государство не является универсальным поставщиком товаров и услуг, которые могут быть востребованы. Государство из "налогового государства" превращается в государство, которое берет в долг. Государство воспринимается гражданами как агент других государств или международных организаций
Лица, принимающие решения (ЛПР)	Политическая власть, придерживающаяся принципов социальной справедливости, которые превагируют над рыночными тенденциями, по логике, имеет право распределения экономических процессов, но не наоборот	Ни одна из групп давления не может наложить принудительные обязательства на политическую систему. Они нейтрализуют друг друга так, чтобы государство могло самостоятельно решать, какой из групп угодать и идти на уступки	Центр принятия решений смещается в сторону, где нет места участникам обеспечения демократического процесса. Вместо них приходят государственные комиссии, фидуциарные институты, в том числе наднациональные, которые проводят политику "за закрытыми дверями". Вместо государства работают рейтинговые агентства и другие игроки финансового рынка
Рыночные игроки	Находится в процессе непрерывного торга между государством и корпоративным сектором согласно установленным законом правилам по управлению компаниями, налогообложению и политическими ограничениями	Ни государство, ни рынок не являются полностью автономными, взаимоотношения и необходимые ресурсы не могут привести к зависимости или значительному превосходству одного над другим	Экономические ресурсы определяют повестку дня и влияют на процесс принятия решений. Те, кто имеет ресурсы, формируют результаты их распределения и не ограничены ни социальными правилами, ни политическим вмешательством. Рынок формирует повестку дня и накладывает ограничения (финансовые) на государственную политику

Окончание таблицы

Граждане	Уверены в способности государства осуществлять надзор и управлять, а потому все полноценно используют свои политические права	В демократической стране гражданин может выйти из политического диалога не путем конфликта с элитой, а благодаря ее замене. Политическая же аналогия – не проблема, а, скорее, ценность для системы, поскольку добровольный отказ от голосования – признак удовлетворения нынешней ситуацией	Над сферой гражданских прав, политического перераспределения и устойчивого развития преобладают накопления, выгоды от эффективной конкуренции экономики и рынка. Граждане должны привыкнуть к тому, что финансовое истощение государства – плохой посредник в вопросах «дорогой политики». Граждане теряют уверенность в том, что общественный контроль над государственной политикой в принципе возможен. Собственная страна в глазах граждан является агентом других государств или международных организаций. Люди вряд ли будут просто отстраняться от политики молчания
----------	---	--	--

* Выделено на основе материалов раздела К. Оффе «Неравенство участия в условиях жесткой экономики» (см. детально [18, с. 219–269]).

Выводы

В Украине, несмотря на массу противоречивых проблем во многих сферах, по большей части уже сформированы основы постдемократического капитализма, следовательно, государство реализует свою политику при финансовых ограничениях, избежать которых можно благодаря внешней финансовой поддержке, прежде всего, международных финансовых организаций и стран-доноров, выдвигающих, кроме того, определенные экономические и политические условия. В таком случае страна часто воспринимается собственными гражданами как агент других государств или международных организаций, а экономические ресурсы рыночных игроков определяют повестку дня и влияют на процесс принятия решений (см. табл.). В этой модели те, кто имеет ресурсы и формирует результаты их распределения, не ограничены ни социальными правилами, ни политическими вмешательствами, особенно если учесть, что все большую роль в этом играют международные корпорации и ТНК. В то же время в этой модели люди просто отстраняются от политики молчания, что, собственно, продемонстрировал политический опыт Украины 2004–2014 гг. Согласно проведенным в 2016 г. исследованиям Национальной академии наук Украины, 68,6% опрошенных полностью согласны и скорее согласны с тем, что демократия – это лучшее политическое устройство; большинство из них считают, что без демократии невозможно устойчивое экономическое развитие страны (59,4% респондентов) и что она обеспечивает человеку наилучшие возможности для индивидуального политического выбора по сравнению с другими режимами (62,8% респондентов); 61,6% опрошенных убеждены, что путем голосования они избирают власть, а дальше от них уже ничего не зависит*. Сказанное подтверждают результаты исследований (см. табл.), показавших, что политический выбор для

* Українське суспільство: моніторинг соціальних змін. – К. : Інститут соціології НАН України, 2016. – С. 430.

Украины является ценностью, однако у нас пока невозможны равноправные отношения между государством, бизнесом и субъектами голосования, но их обеспечение является чрезвычайно важной задачей для страны.

Список использованной литературы

1. *Гец В.М.* Особенности взаимосвязи экономических и политических предпосылок реконструктивного развития экономики Украины // Экономика Украины. — 2016. — № 12. — С. 3–21.
2. *Гец В.М.* Довіра і розвиток в українських реаліях / Творення простору суспільної довіри в Україні ХХІ сторіччя : матер. міжнар. наук.-практ. конф. — Львів: ДВНЗ “Університет банківської справи”, 2016. — 17–19 лютого. — С. 15–31.
3. *Артёмова Т.И., Гриценко А.А., Кричевская Т.А.* и др. Иерархия и сети в институциональной архитектонике экономических систем ; [под ред. А.А. Гриценко]. — К. : Институт экономики и прогнозирования НАН Украины, 2013. — 580 с.
4. *Мейсон П.* Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. — М. : AdMarginem, 2016. — 416 с.
5. *Stiglitz J.E.* Globalization and its Discontents. — N.Y. : W.W. Norton, 2012. — 304 p.
6. *Лист Ф.* Национальная система политической экономии ; [пер. с нем.] ; [под ред. К.В. Трубникова]. — М. : Европа, 2005. — 379 с.
7. *Williamson J., Milanovic B., Lindert P.* Measuring Ancient Inequality // MPRA Paper. — 2007. — № 5388. — October. — 86 p.
8. *Фокс Дж.* Торговая политика США — время начать сначала // Экономика Украины. — 2017. — № 5-6. — С. 16–30.
9. *Механик А.* “Иное” все-таки дано // Эксперт. — 2017. — № 7 (1017). — С. 39–40.
10. *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. — М. : Национальный общественно-научный фонд, 2003. — 131 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.library.fa.ru/files/Stiglitz-global.pdf>.
11. *Туган-Барановский М.И.* Избранные сочинения. — В 2 т. — Т. 1: Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма ; [под ред. Л.И. Дмитриченко]. — Донецк : ДонГУЭТ, 2004. — 357 с.
12. *Гец В.М., Небрат В.В., Супрун Н.А., Тарасевич В.М.* та ін. Туган-Барановський М.І. — вчений, громадянин, державотворець. — К. : Наукова думка, 2015. — 364 с.
13. *Stiglitz J.* The Price of Inequality: How Today’s Divided Society Endangers Our Future. — N.Y. : W.W. Norton & Co, 2012. — 560 p.
14. *Бреннер Р.* Экономика глобальной турбулентности. — М. : Высшая школа экономики, 2014. — 552 с.
15. *Mead W.R.* The jacksonian revolt. American Populism and the Liberal Order // Foreign Affairs. — 2017. — № 2 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2017-01-20/jacksonian-revolt>.
16. *Риччери М.* Как спасти социальность рыночной экономики // Мир перемен. — 2017. — № 1. — С. 124–138.
17. *Гец В.М.* Либерально-демократические принципы: курс на модернизацию Украины // Экономика Украины. — 2010. — № 3. — С. 4–20.
18. *Березин М., Геншель Ф., Крауч К.* и др. Политика в эпоху жесткой экономии ; [пер. с англ.] ; [под ред. А. Шефара, В. Штрика]. — М. : Высшая школа экономики, 2015. — 392 с.

References

1. Heyets V.M. *Osobennosti vzaimosvyazi ekonomicheskikh i politicheskikh predposylok rekonstruktivnogo razvitiya ekonomiki Ukrainy* [Peculiarities of the interrelation of economic

and political preconditions of a reconstructive development of Ukraine's economy]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2016, No. 12, pp. 3–21 [in Russian].

2. Heyets V.M. *Dovira i rozvytok v ukrains'kykh realiyak* [Trust and development in Ukrainian realities]. Proceedings from: *Tvorennya prostoru suspil'noi doviry v Ukraini XXI storichchya. Mizhnar. nauk.-prakt. konf. Lviv, 17–19 lyutoho 2016* [Creation of a space of public trust in Ukraine in the 21st century. Int. Sci. and practical conference. Lviv, February 17–19, 2016]. Lviv, SHEI “University of Banking”, 2016, pp. 15–31 [in Ukrainian].

3. Artomova T.I., Gritsenko A.A., Krichevskaya T.A. et al. *Ierarkhiya i Seti v Institucional'noi Arkhitektonike Ekonomicheskikh Sistem* [Hierarchy and Networks in the Institutional Architectonics of Economic Systems]. A.A. Gritsenko (Ed.). Kiev, Institute for Economics and Forecasting of the NAS of Ukraine, 2013 [in Russian].

4. Mason P. *Postkapitalizm: Putevoditel' po Nashemu Budushchemu* [Postcapitalism: A Guide to our Future]. Moscow, AdMarginem, 2016 [in Russian].

5. Stiglitz J.E. *Globalization and its Discontents*. N.Y., W.W. Norton, 2012.

6. List F. *Natsional'naya Sistema Politicheskoi Ekonomii* [The National System of Political Economy]. K.V. Trubnikov (Ed.). Moscow, Evropa, 2005 [in Russian].

7. Williamson J., Milanovic B., Lindert P. Measuring Ancient Inequality. MPRA Paper 5388, 2007, October.

8. Faux J. *Torgovaya politika SShA – vremya nachat' snachala* [U.S. trade policy – time to start over]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2017, No. 5-6, pp. 16–30 [in Russian].

9. Mekhanik A. “Inoe” vse-taki dano [“Other” is still given]. *Ekspert – Expert*, 2017, No. 7 (1017), pp. 39–40 [in Russian].

10. Stiglitz J. *Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii* [Globalization and its discontents]. Moscow, National Socio-Scientific Foundation, 2003, available at: <http://www.library.fa.ru/files/Stiglitz-global.pdf> [in Russian].

11. Tugan-Baranovskii M.I. *Ocherki iz Noveishei Istorii Politicheskoi Ekonomii i Sotsializma, t. I, v: Izbrannye Sochineniya v 2t.* [Essays from the Modern History of Political Economy and Socialism, Vol. 1, in: Selected Works, in 2 volumes]. L.I. Dmitrichenko (Ed.). Donetsk, Donetsk SUET, 2004 [in Russian].

12. Heyets V.M., Nebrat V.V., Suprun N.A., Tarasevych V.M. et al. *Tuhan-Baranovs'kyi M.I. – Vchenyi, Gromadyanyn, Derzhavotvoret's'* [Tugan-Baranovsky M.I. – Scientist, Citizen, Statesman]. Kyiv, Naukova dumka, 2015 [in Ukrainian].

13. Stiglitz J. *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future*. N.Y., W.W. Norton & Co, 2012.

14. Brenner R. *Ekonomika Global'noi Turbulentnosti* [The Economics of Global Turbulence]. Moscow, PH of High School of Economics, 2014 [in Russian].

15. Mead W.R. The Jacksonian Revolt. American Populism and the Liberal Order. *Foreign Affairs*, 2017, No. 2, available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2017-01-20/jacksonian-revolt>.

16. Ricceri M. *Kak spasti sotsial'nost' rynochnoi ekonomiki* [How to save the sociality of a market economy]. *Mir peremen – The world of changes*, 2017, No. 1, pp. 124–138 [in Russian].

17. Heyets V.M. *Liberal'no-demokraticheskie printsipy: kurs na modernizatsiyu Ukrainy* [Liberal-democratic principles: course to a modernization of Ukraine]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2010, No. 3, pp. 4–20 [in Russian].

18. Berezin M., Genschel Ph., Crouch C. et al. *Politika v Epokhu Zhestkoi Ekonomii* [Politics in the Age of Austerity]. A. Schafer, W. Streeck (Eds.). Moscow, PH of High School of Economics, 2015 [in Russian].

Статья поступила в редакцию 18 августа 2017 г.

Часть II будет опубликована в одном из следующих номеров журнала.